

Сектор газетных и журнальных вырезок

Мосгорсправка НКС

Мясницкая, 26-Б

Тел. 96-6

Вырезка из газеты Красная Газета веч. вып.

15 ИЮН 1935

Ленинград

Газета №

500
РУССКАЯ КРАСНАЯ ГАЗЕТА

3

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛАВРЕНТЬЕВ

Мне очень трудно говорить сейчас об Андрее Николаевиче Лаврентьеве, как о человеке, ушедшем от нас, как о человеке, жизнь которого оборвалась так пылко в расцвете его творческих сил и возможностей.

С Андреем Николаевичем мы работали вместе давно. Он был одним из основоположников Большого драматического театра. Он был первым его режиссером. Вместе с ним создавалось сложное театральное хозяйство.

Андрей Николаевич был человеком необычайно ценным в искусстве театра. Он был воспитанником Московского художественного театра. Лучшие его традиции Андрея Николаевича переносил в наш театр. Он был образцом большой внутренней дисциплины и творческого энтузиазма. Этую дисциплину он внедрил и в наш актерский коллектив.

Среди актеров, среди всех работников театра Андрей Николаевич пользовался огромным авторитетом.

Как актер, Андрей Николаевич подкупал простотой, свежестью и яркостью исполнения. Памятны всем будут Губин в «Достижении», директор Гай в пьесе «Мой друг», мастер Робинсон в комедии «Украденное Робинсоном» — эти наиболее удачные из созданных Лаврентьевым в последние годы художественных образов.

А. Н. Лаврентьев был актером больших возможностей и большого творческого размаха. Он веял укладывался в узкие рамки актерского амплуа. От трагической роли Клифорда в пьесе Романа Роллана «Настает время», до острохарактерной роли бытового плана в «Достижении» — вот его диапазон.

Смерть Андрея Николаевича — большая утрата не только для Драматического театра, в котором он провел свои последние годы, но и для всего советского театрального искусства.

Н. МОНАХОВ

Вчера, когда я сказал одному из драматургов, хорошо знавшему Лаврентьева, о том, что А. Н. очень тяжело болен, тот уверенно махнул рукой:

— Нет, выживет. У него огромная воля к жизни...

И вот, утром...

Умер человек большого, волнующего таланта, один из первых шеренг мастеров нашего театрального фронта.

Вспоминаешь его работы. А. Н. Лаврентьев в последние годы настойчиво, со страстью искал, находил и воплощал на сцене черты новых людей из славного большевистского племени.

До сих пор тем ясно ощущаешь написанный им живописно, красочно образ

Михайлова из «Хлеба», образ большевика, краиного человека, страстного человека, так не похожего на традиционные кожаные куртки. Огромным обаянием вдохновил А. Н. образ погодинского Гая, сделав из этой фигуры подлинного друга зрителевого зала.

В работе ли, в публичных выступлениях, в интимных высказываниях о творчестве, о современности, о театре — всегда чувствовалось в этом актере пламенное беспомощество художника, огненный темперамент и действительно огромная воля к жизни.

Советский зритель любил Лаврентьева.

Тяжелая, тяжелая потеря...

А. ШТЕИН

Дирекция, партком, местком и коллектив работников Гос. Большого драматического театра им. М. Горького с глубоким прискорбием извещают о смерти одного из основателей театра, заслуженного деятеля искусств

АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛАВРЕНТЬЕВА,

последовавшей 15 июня в 8 ч. 50 мин. утра после непродолжительной, но тяжелой болезни.

О дне и порядке похорон будет объявлено дополнительно.

Телефоны для справок: 47-68, 2-14-88, 5-02-98, 5-14-11 и 6-31-25.

Обаятельность — вот основная черта этого замечательного, талантливого артиста и человека. В любой роли, в любом жизненном положении, эта черта всегда пробивалась наружу и делала Андрея Николаевича чрезвычайно привлекательным.

Трудно себе представить, что этот жизнерадостный человек, этот выдающийся артист больше уже не существует. Больше не будет волновать нас прумительного создаваемым им художественными образами и излучаемой им теплотой.

Десять лет совместной работы с ним, направленной в рост, развитию и укреплению любимого им Большого драматического театра, в котором он был и главным режиссером и одним из первых артистов, оставили в моей памяти неизгладимый след.

Р. ШАПИРО

Трудно верить... Знала, что Андрей Николаевич тяжело болен, но чтобы умереть... Он был человеком с большим запасом жизненных сил, с необыкновенно кипучей энергией. Человек необыкновенного таланта. Он с большой любовью и внимательностью относился не только к своей роли, но и к работе своих товарищей. За всем следил. Мы играли вместе в «Заговоре чувств», он играл Андрея Бабичева, в «Достижении» — Губина. К последней работе над «Бесприданницей», где он должен был играть Пацатова, он относился с необыкновенной любовью — всем помогал. С большим увлечением начал в последнее время работать в кино. Трудно говорить о нем, так неожиданно это известие...

О. КАЗИКО

16 лет моей совместной работы с ним дают мне уверенность говорить, какого большого артиста потеряли Большой драматический театр и актерская семья Ленинграда. Ушел от нас редкий товарищ, добрый, отзывчивый человек, никогда не делавший различий в обращении с большими и малыми.

Чувство глубокой тоски охватывает

меня при мысли, что я приду в театр и не увижу больше жизнерадостного,

полного сил Андрея Николаевича. Тяжело терять находящихся в расцвете сил нужных людей и близких друзей.

В. СОФРОНОВ

Для меня Андрей Николаевич Лаврентьев — навсегда незабываем. С его смертью ушел от нас по-настоящему большой советский актер, и эта утрата надолго останется невозвратимой.

С Андреем Николаевичем связаны мои первые театральные шаги. Онставил в 1925 году мою первую пьесу «Мятеж». И в процессе постановки, наблюдая его творческое кипение, я не только понял, как этот замечательный актер любит всем сердцем свое дело, но и как много он дает другим, с которыми работает над спектаклем. Может быть именно этому творческому напряжению и энтузиазму Андрея Николаевича, создававшему из непрочного материала неопытных драматургов юношеский спектакль, может быть опыта, вынесенного из работы с Андреем Николаевичем, я обязан удачей «Разлома», ибо эта пьеса писалась уже с учетом его коррективов.

Не меньше дал мне Андрей Николаевич, как исполнитель ролей в моих пьесах. Трудно забыть когда-либо обаятельный, полный внутреннего достоинства, весь построенный на большой сердечной теплоте образ капитана Берсениева в «Разломе» и прекрасно сыгранную роль Федора Шаховского во «Врачах», где в противовес мягкому и колючашемуся интеллигенту Берсениеву А. Н. дал мужественный образ командира эскадрильи, беспощадно карающего самого себя за совершенный, хотя бы и невольный, проступок.

Трудно говорить спокойно у гроба только что ушедшего из жизни творческого работника друга и учителя. Можно только с огромной и жгучей горечью попрощаться навсегда с человеком, творческий труп которого должен служить образцом всем молодым работникам театра.

БОР. ЛАВРЕНЕВ

Андрей Николаевич — один из самых старых и талантливых мастеров в нашем театре. Многие сравнивали его с Певцовым. Оба они «нутряки», хотя в разного плана. Оба — люди чрезвычайно высокой культуры.

К нам, к молодежи, Андрей Николаевич относился всегда с исключительной чуткостью и заботливостью. Может быть потому, что он сам прошел тяжелую жизненную школу...

Особенно это видно на последних работах театра. Несмотря на то, что Андрей Николаевич не был занят в «Аристократах», он приходил на генеральные репетиции, показывал, учил молодых актеров.

Театр потерял любимого и интересного актера и учителя.

В. ПОЛИЦЕЙМАКО

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Этот человек вдохновил меня на работу в театре и он же в течение ряда лет, тяжелых лет создания театра, поддерживал во мне право всех необузданных для пролетарского театра, Ленинграда. Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Необыкновенная простота, сердечность, прекрасное отношение ко всем и близким делали его любимицем.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Необыкновенная простота, сердечность, прекрасное отношение ко всем и близким делали его любимицем.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек, который был театром, мог говорить о нем по-своему, темпераментно. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Сейчас же для всех тех, кто любил его, он стал наставником.

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Это был человек